

ISSN 0042-8779

ИВМ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

1

2011

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1/2011

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- В преддверии полного раскола. Противоречия и конфликты в российской социал-демократии 1908—1912 гг. 3

СТАТЬИ

- В.Г. Егоров — Социальный состав ремесленного населения России во второй половине XIX в. 28

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- А.Ю. Безугольный — Лазарь Федорович Бичерахов ... 41

ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО

- Письмо В.М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.) 63

ВОСПОМИНАНИЯ

- Автобиография профессора В.А. Костицына 82

СООБЩЕНИЯ

- О.В. Кириченко — Православное женское монашество в советское время 101

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

Два Ассистента

96 2456

Ф.Н. Иванов — Рекрутская повинность в России в XIX в. на примере Вологодской губернии	115
Т.А. Денисова — Метрология в малайских хрониках XIII — XIX вв.	124
А.Н. Антипов — Право убежища в государствах Древнего мира	137

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Чжао Юнхуа — Русская эмигрантская пресса в Китае в первой половине XX в.	145
А.К. Семенов, Н.А. Сулова — Самоуправление в городах Центрального Черноземья в конце XVIII — начале XIX в.	150
В.И. Кункова — Индия в морской торговле Аббасидов в 750—1258 гг.	155

ИСТОРИОГРАФИЯ

С.Е. Эрлих — Очередное открытие американской славистики	159
Р.Г. Ланда — А.М. Васильев. Король Фейсал: личность, эпоха, вера	167
Ю.В. Родович — А.А. Ахтамзян. Объединение Германии. Обстоятельства и последствия. Очерки	169

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

М.А. Бабкин — О хронологии некоторых событий всемирно-исторического значения	171
---	-----

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Автобиография профессора В.А. Костицына

Чем дальше, тем больше Бродский вызывал у меня сомнения. Я решил пойти к нему на квартиру в его отсутствие и произвести обыск. Его хозяйка легко пропустила меня в комнату. Я начал очень быстро всюду копаться. Ничего. Но на его столе под промокашкой я нашел бумажку со всеми моими адресами, кличкой, именем, отчеством и фамилией. Как раз в этот момент он вошел в комнату, и я на него накинулся: «Для кого вы составляете и бережете такие записи? Для охранки?» Он начал оправдываться: Лиза передала ему записку, и он забыл ее уничтожить.

«А это? — спросил я его. — Зачем у вас на стене этот иконостас из газетных вырезок и портретов польских революционеров? Вы что, хотите обратить на себя внимание? Ведь вы же секретарь серьезной организации! У вас не должно быть ничего, что может возбудить подозрение». Он смутился и стал оправдываться польскими традициями, которые отличаются якобы от русских. Я ушел от него с усилившимися подозрениями, но решения у меня не могло быть: в этих делах человек бывает и судьей и исполнителем, и нужно иметь полную уверенность в своей правоте; ее у меня не было.

Я стал проверять состояние наших боевых ресурсов. Их не оказалось совершенно, как будто кто-то слизнул. Я решил пойти к помощнику Красина — инженеру Грожану, которого видел в ноябре на конференции. Там он издевался над наивными людьми, которые воображают, что могут изготовить взрывчатые вещества лучше, чем у Нобеля. «Поезжайте с деньгами в Финляндию, — говорил он, — и вы купите все это так дешево, как вам и не снилось, и не нужно возиться с химическими веществами, которые вам пачкают безвозвратно ваши лица, и устраивать лаборатории, которые так легко проваливаются». Я пошел к нему узнать, существуют ли эти возможности, — их уже не было. Надзор на границе и провокация усилились необыкновенно.

Я связался случайно с чудесными ребятами-рабочими из Колпина, и мы решили совместными усилиями организовать лабораторию недалеко от следующей станции на железной дороге. Юрьево, как называлась эта станция, было новым дачным местом на опушке огромного леса, идущего до Новгорода. Мы сняли уединенную дачу, нашли рабочего, хорошего техника и хими-

ка, который согласился там жить и работать. Бродскому ничего об этом не было известно, но, случайно услышав слово «Юрьево», он стал меня расспрашивать о студенческой жизни в маленьких университетских городах. Я охотно ему сообщил много живописных подробностей, но опять-таки доказательством это еще не было.

Около 25 мая с бесконечными предосторожностями я отправился к Авилову. Оказалось, что он имел вести от «Анатолия», который проживал недалеко от Выборга на одном из бесчисленных островков на финляндских шхерах. Он потерял всякую связь с нами и просил, чтобы кто-нибудь к нему приехал. Найти его адрес можно было через редакцию одной шведской газеты в Выборге. Я решил поехать к нему. Мне было совершенно непонятно, что он делает на этом островке.

Как раз представился случай: стали возвращаться из Лондона делегаты съезда, и в Териоках должна была иметь место конференция Петербургской организации для заслушания докладов о съезде. Всем уже было известно, что он закончился большевистской победой. Я поехал на конференцию как один из представителей Московского района, где занимался пропагандой. Это было, если не ошибаюсь, 29 мая. Докладчиком был Ленин, и прения по докладу продолжались всю ночь. Одним из оппонентов был депутат Церетели¹.

Утром, по окончании конференции, я поехал в Выборг, с большим трудом разыскал газету, с еще большим трудом разыскал шведскую барышню, которая имела адрес «Анатолия», сел на пароход и [всю дорогу] напряженно вслушивался в названия остановок. Все выкликивалось на языках, которых я не понимал. Вот и остров — прелестный островок, но как найти «Анатолия»? Мне пришлось обойти все дома, прежде чем я добрался до него. Он жил на маленькой дачке в лесу с матерью и братом. Все они сидели без денег. Выехать никуда он не мог.

Мы с ним поговорили обо всем, уговорились встретиться в Гельсингфорсе через несколько дней. Я дал ему денег, и мы немедленно выехали в Выборг. После небольшой задержки и ночевки я получил наказ от войск выборгского гарнизона для передачи туда же — в Государственную думу, сел в петербургский поезд, он — в гельсингфорский, и мы расстались, чтобы снова встретиться в 1928 г. на вечере воспоминаний в Музее революции.

В поезде я сразу почувствовал — что-то неблагополучно. Я прошел в уборную и освободился от всех бумажек, которые при мне были, кроме... наказа. Я считал, что все-таки должен его доставить, по назначению, и я запрятал его между кальсонами и носком.

1 июня 1907 г., арест. На Финляндском вокзале я был сейчас же по выходе арестован. Путь в «Кресты» оказался сложным: жандармское вокзальное отделение, ближайший полицейский участок, охранное отделение. Пока я ждал своей участи, через комнату прошел какой-то субъект в темных очках и с рекламными плакатами под мышкой, прошел в кабинет, и я услышал фразу: «Четыре дня ездил за ним по Финляндии». Очевидно, речь шла обо мне, но преувеличение было явное.

В «Крестах» я попал во второй корпус в камеру 627. В течение первых дней моего заключения тюрьма была «отбитой», то есть разрешалось сидеть на окнах и разговаривать. На третий день мне прокричали «627, под вами — новый товарищ; спросите, кто он». Я спросил: оказалось, член Думы Кириенко². Дума была разогнана, фракция арестована, избирательный закон изменен.

В этот же вечер было устроено «общее собрание»; каждый оставался, конечно, на своем окне. Речь шла о том, что Столыпин вызвал к себе начальника тюрьмы Иванова³ и сказал ему: «Думы нет, и можно не стесняться.

Стреляйте, если нужно». Таким образом, предвиделись репрессии и «забитость» тюрьмы. Было решено не поддаваться ни на какие провокации и вести себя выдержанно и спокойно.

Решение было кстати: на следующее утро тюрьма наполнилась солдатами, и из камер «в наказание за разговоры через окно» на две недели удалили все собственные вещи и спальные принадлежности. Моим соседом был Петров, приговоренный к каторге по делу о покушении на в[еликого] к[нязя] Николая Николаевича. Приговор, конечно, состоялся позже; в это время Петров был еще подследственным. Хороший мужественный человек, и мне кажется, что это был будущий коммунист Ф.Н. Петров ⁴. Через некоторое время меня перевели в камеру 551, и в ней я оставался полтора года — до суда.

Те, кто не сидел по тюрьмам, не знают, какие многочисленные возможности имеются [там] для сношений друг с другом и с волей. Довольно скоро ко мне начали просачиваться разные сведения — что Урысон сидел в первом корпусе и был переведен куда-то, что Ярославский сидит во втором корпусе на той же галерее, но в другом конце «Крестов», что была произведена колоссальная облава в столовой Технологического института и во всех окружающих кафе и кухмистерских, что провокатор — несомненно Бродский.

Значительно позже, уже за границей, я узнал, что «Ирина» и «Максим» тоже были провокаторами. И вдруг я нашел у себя на полу записку от Бродского: он сообщал, что сидит в одной из камер поблизости, и плакался, что товарищи относятся к нему с недоверием. Конечно, я поторопился уничтожить записку и не ответил. Сидел ли он на самом деле? Не знаю. Думаю, что нет. По крайней мере, надзиратель Гаспарович, свой человек, бывший член наших военных организаций, ничего о таком заключенном не знал.

Через Гаспаровича я вступил в сношения с Ярославским и с волей. Я написал своим родителям, и в начале июля приехал мой отец. Приблизительно в это же время состоялся первый допрос. Вел его подполковник Николаев, употребляя все жандармские приемы — от мягкости, стакана чая, сочувствия до неожиданных повышений голоса. Обвинение — принадлежность к Петербургской боевой организации, к которой я никогда не имел никакого отношения.

Мой отец решил хлопотать обо мне. Он нашел какие-то связи, позволившие ему получить аудиенцию у товарища министра внутренних дел, шефа жандармов Курлова ⁵. Этот полицейский генерал решил, по-видимому, пугнуть моего отца: не сводя с него пронзительных глаз, он взял телефон в руки, вызвал прокурора, и спросил обо мне. «Ага, — произнес он вдруг, — хорош мальчик: план Зимнего дворца, план императорской яхты; что еще?» Отец вышел от него, ни жив ни мертв. Когда он, на свидании, воспользовавшись уходом на минуту жандармского офицера, рассказал мне об этом, я расхохотался: у меня никогда не было ничего подобного, и моя квартира не была найдена.

То обстоятельство, что не нашли моей квартиры и у меня не было обыска, меня очень интриговало, и до сих пор я не понимаю, в чем тут дело. Я жил на Большом проспекте Петербургской стороны, на незначительном расстоянии от Бродского. За мной несомненно должно было иметь место наблюдение. Единственное доступное мне объяснение — это близость Бродского. Мы с ним очень часто возвращались вместе, и я доводил его до его квартиры и затем шел дальше, но не к себе: у меня часто бывали деловые вечерние свидания. Весьма возможно, что филеры, видя меня в «надежной» компании, решали, что не стоит больше мной заниматься, и не доводили наблюдения до конца.

Через некоторое время, желая выяснить дело, я потребовал второго допроса. На этот раз меня допрашивал ротмистр Лавренко: подполковник Николаев уже превратился в полковника в одном из провинциальных городов. Этот допрос был для меня очень полезен: в нем фигурировал город Юрьев, фигурировал адрес на Большом проспекте, но не тот, где я действительно жил; мне были показаны карточки, и эта коллекция показала огромный размер провала и руку Бродского. Была карточка Стомонякова ⁶, с которым раз я пил кофе в маленьком кафе напротив института, и Бродский видел нас и, по-видимому, решил, что это — один из неизвестных ему членов Временного бюро.

Показывал мне все это Лавренко с большой неохотой и скукой и, наконец, произнес: «Все это совершенно ни к чему». Он был прав. По делу было привлечено свыше ста человек, но очень многих освободили, например — братьев Скроботовых ⁷, которые действительно принадлежали к Петербургской боевой организации.

Серафима Ивановна Надеина, которая лечилась в Ялте от последствий жестокого плеврита, полученного на партийной работе, узнав о моем аресте, приехала в Петербург и вместе с моей матерью ходила ко мне на свидания. Долго это не продолжалось. Она вступила в работу в качестве пропагандистки и вскоре оказалась арестована. Была уже зима. В Доме предварительного заключения, куда ее посадили, начались волнения заключенных, стекла были разбиты, и в наказание администрация оставила их на две недели в камерах без стекол. Результат — воспаление легких. Ее выпустили под залог в марте 1908 г., и она принуждена была уехать к матери в деревню.

Март 1908 года. К этому времени неожиданно пришло известие, что за отсутствием улик меня собираются освободить. Прокурор Юревич, наблюдавший за дознанием, сказал это моей матери. Улик, действительно, не было. Я был арестован, не имея при себе ничего компрометирующего. «Наказ», переданный в Выборге, не был найден ни при одном из трех обысков, и я уничтожил его в тюрьме. Меня не знали петербургские боевики, не знали и те из них, которые (как Ликумс) давали откровенные показания. Но... Бродский? Для суда он не мог быть свидетелем, но благодаря ему полицейские органы слишком хорошо знали, какова была моя действительная роль.

Была весна, и мне очень хотелось на волю, но поверить в эту возможность я не мог, и оказался прав. Через две недели после первого свидания Юревич заявил моей матери: «У нас есть новый материал, и ваш сын сидит прочно». Действительно, состоялся заключительный допрос, где мне было объявлено о передаче дела в военно-окружной суд. В деле появилось письмо, якобы мое, по заключению жандармской экспертизы, найденное у одного из боевиков, и в моем блокноте оказались записи о партизанских выступлениях. Подделка была ясная, но это еще нужно было доказать.

Моя мать обратилась в военную прокуратуру с просьбой освободить меня под залог. С нас потребовали 150 000 руб., сумму, для моих родителей непосильную. Когда она вернулась на Пасху в Смоленск, к ней пришли представители еврейской общины и предложили собрать эту сумму в благодарность за мое участие в защите против погромов. Мать выехала в Петроград, чтобы посоветоваться со мной, и мы решили категорически отказаться.

Я не помню, начиная с какого времени нас стали привозить в военно-окружной суд для ознакомления с материалами, по которым был составлен обвинительный акт. Нас привозили всех вместе — 25 человек — в автомобильном фургоне, и для большинства из нас, в том числе и для меня, это было первое знакомство с автомобилем и между собой. Из моих сопроцессников я знал только Губельмана («Ярославского»), Веру Дилевскую, Вакулина («Овода») и его жену, Бустрема. Все остальные были мне совершенно

неизвестны. В большинстве это были балтийцы — латыши и эстонцы, принадлежавшие к боевым организациям на Балтике и в Петербурге.

Ноябрь 1908 года. Суд имел место в ноябре 1908 года. Экспертиза единогласно подтвердила, что приписываемые мне документы писаны не мной, и при полном отсутствии улик я был оправдан, равно как редактор одной из петербургских газет Ванаг и пожилой ремесленник Озоль, неизвестно почему попавший в это дело.

Относительно Ярославского прокурор выразился так: «Все мы здесь были поражены достоинством, с каким держал себя подсудимый Губельман. Он отвечал прямо, не пытался сваливать свою вину на других. Без всякого преувеличения он привлек к себе все симпатии. Но, когда я подумаю, какое впечатление его качества должны были производить на солдат, я надеюсь, что он не ускользнет от заслуженного наказания». Ярославский, [так же] как Бустрем и Вакулин, был приговорен к шести годам каторги, Вера Дилевская — к двум годам ссылки на поселение.

Немедленно после моего освобождения обнаружилось, что Охранное отделение совершенно не согласно с этим приговором. Я поехал в Москву, встретился там с С.И. Надеиной, и мы решили уехать за границу.

1909 год, Вена. В начале 1909 г. мы оказались в Вене. Мы вступили там в группу содействия партии (все заграничные группы партийцев назывались «группами содействия»). Секретарем Венской группы был очень хороший товарищ «Лева», «Владимиров» (Шейнфинкель)⁸, впоследствии — народный комиссар финансов. В Вене между нами и им и его женой Анютой завязалась неразрывная дружба.

Я начал посещать Венский университет, работать в библиотеке, стараясь вернуться к научной работе, от которой я несколько лет был совершенно оторван. В группе содействия обсуждались текущие вопросы партийной жизни, которые были для нас совершенно новы: отзовизм, богоискательство, богостроительство, рост оппозиции политике Ленина среди большевиков. Здесь я ознакомился с только что вышедшей книгой Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Как математик я с большим уважением относился к Henri Poincaré⁹, к Pearson¹⁰; я с большим интересом прочитал в свое время «Механику» и «Теорию тепла» Маха.

Я уже упоминал, что и среди друзей и среди врагов философия Богданова считалась большевистской разновидностью марксизма. Недаром в одном из «Дневников социал-демократа» Плеханов писал по поводу газеты «Новая жизнь»: «Ленин тонет, как муха в молоке, среди махистов, декадентов и вырожденцев». Первое впечатление от книги Ленина — ее невероятная резкость, и при том казалось странным, каким образом не физико-математик может критиковать вещи ему неизвестные. Второе впечатление было, что Ленин несомненно прав, обнаружил гениальную интуицию и правильно разобрался в чуждых ему вещах.

Вместе с «Левой» мы занимались пересылкой в Россию партийной литературы. Делалось это так: на рынке были куплены конверты и рекламы разных прогоревших фирм. В один из рекламных листов помещался номер партийного журнала, отпечатанный на папиросной бумаге, и вкладывалось предупреждение: «Мы нашли ваш адрес в адрес-календаре и посылаем вам наше издание, надеясь, что оно вас заинтересует». Надписывался адрес, наклеивалась марка, и пакет помещался на два дня под пресс, чтобы папиросная бумага плотно слежалась и не шуршала.

Пакеты посылались лицам, относительно которых была надежда, что они будут передавать номер на прочтение другим, но не всегда это бывало так. Доктор И.П. Борисов, о котором я уже говорил и который к тому време-

ни совершенно отошел от партии, говорил мне несколько лет спустя в Москве: «Знаете, что я ценю в партии? Это то, что она помнит о старых заслугах. Представьте себе, я регулярно получал партийные издания». — «А что же вы с ними делали? Распространяли?» Он засмеялся: «Конечно, нет, по моему положению это было невозможно».

В Вене в то время проживал Троцкий. Он держался в стороне, не был любим в колонии и от времени до времени выступал публично. В одном из его выступлений меня поразил его грубо-вульгарный марксизм. Это было именно проявление того «исторического фатализма», который нам приписывался нашими противниками.

Летом 1909 г. «Лева» переехал в Париж, оставив мне пресс и секретарство в группе содействия, и в августе мы с Серафимой Ивановной тоже переехали в Париж ¹¹.

Осень 1909 г., Париж. По сравнению с Веной Париж 1909 года был во всех отношениях большей столицей. В нем находились центральные учреждения партии. Группа содействия была гораздо более обширной и влиятельной. Мы сразу нашли большое количество знакомых лиц и попали в самый центр начинавшейся склоки. Она проникла и в нашу семейную жизнь. Я был ленинцем, а моя жена — впередовкой. Расхождения этого рода были очень серьезным препятствием для семейного мира в нашей среде, и нам они испортили немало крови, но мы остались вместе до конца.

На каждом собрании группы содействия поднимали острые вопросы. Я помню, как на одном из обсуждений известного «лбовского дела» ¹² Ленин говорил тоном, каким только он умел говорить: «Думать надо, товарищ Покровский, головой надо думать».

Нам всем был дан совет не оставаться вне европейского рабочего движения, и мы вступили во Французскую социалистическую партию и некоторое время с любопытством посещали ее собрания, митинги, манифестации. Все было не так, как у нас, и решительно все нам не нравилось. Легальное существование для активной политической организации казалось нам очень вредным. Так оно мне кажется и сейчас, и я не знаю, как можно совместить активность партийного аппарата с тем мертвым грузом, которым неизбежно обростает легальная партия.

Я, конечно, возобновил мою научную работу. Сорбонна в то время переживала один из самых блестящих периодов. В Париж приезжало много крупных иностранных ученых, и в течение ряда лет я смог повидать и послушать крупнейших представителей мировой науки.

1910 год. В начале 1910 г. мы поселились вместе с тов. Землячкой. Ее достоинства хорошо известны, ее невозможный характер также. Недаром на Таммерфорсской конференции Лядов как-то сказал: «Мне ночью снился нос Землячки; значит, будет склока». Так оно и случилось. И в нашем совместном существовании так бы оно и случилось, если бы мы не избегали всяких поводов к столкновению.

Посещение манифестаций было очень поучительно. 18 марта 1910 г. мы с женой и Землячкой пошли на Монпарнасское кладбище, где происходила очень малолюдная и спокойная манифестация в память Коммуны. После речей и заключительных возгласов «Vive la Commune» все спокойно стали расходиться. Мы вышли через малые ворота совершенно благополучно, а Землячка отправилась через главные. Каково же было наше изумление несколько минут спустя, когда мы нашли ее дома в постели в избитом, почти изувеченном виде.

Оказалось, что у главных ворот полиция избивала — так, походя, без всякого повода — всех выходящих. И Землячка твердила: «Это невероятно! Я

прошла невредимой через столько манифестаций и выступлений в нашей стране и была избита здесь, в цивилизованной Франции». Пока она выздоравливала, Ленин и Надежда Константиновна приходили каждый день ее навещать.

Приближалось 1 мая, в специфических политических условиях. Перед этим имела место весьма дружная железнодорожная и почтово-телеграфная забастовка, которую правительство Briand'a ¹³ сломило незаконной мобилизацией рабочих и служащих. Предполагалась большая манифестация, и нам, приехавшим недавно, было интересно сравнить Париж с той колоссальной первомайской манифестацией, в которой за год до этого мы участвовали в Вене.

Манифестация должна была происходить на Больших бульварах, и накануне мы уговорились с Лениным и Надеждой Константиновной встретиться на перекрестке Bonne-Nouvelle — Strasbourg. Землячка осторожно сказала Ленину: «Не думаете ли вы, Владимир Ильич, что при вашей роли в партии вы могли бы себя поберечь?» Он засмеялся и ответил: «Наоборот, именно поэтому я должен пройти через все, что проходят другие».

В назначенный час мы с ними встретились и медленно прошли пешком весь путь до Madeleine. Всюду располагались полицейские и солдаты, но манифестантов не было. На широких тротуарах было много публики, больше чем обычно; вероятно, многие, как мы, пришли и, как мы, увидели, что делать, собственно, нечего. От Madeleine через Concorde мы прошли в Tuileries. Всюду и все было спокойно. Манифестация не состоялась.

Именно в ту весну в русской колонии было много волнения по поводу межпартийного суда: обвинялся в провокации и других неблагоприятных поступках тов. «Виктор», бывший секретарь Московского комитета. Обычно это дело изображается как результат межфракционной склоки. Это неверно. Среди обвинителей «Виктора» было много впередовцев и меньшевиков, но были и чистые ленинцы, как та же Землячка. Председательствовал в суде Богомолец ¹⁴, кажется — социалист-революционер; представителем большевиков был тов. «Марк» (Алексей Иванович Любимов) ¹⁵, бывший секретарь Московского комитета. Я был вызван как свидетель.

Перед тем, как идти в Café Closerie des Lilas, где происходил суд, Землячка в течение часа старалась убедить меня в провокации «Виктора» и заодно напоминала, сколько неприятностей лично мне доставил этот человек в августе, сентябре и октябре 1906 года. Я внимательно выслушал ее, еще внимательнее продумал весь материал и отправился. Я увидел «Виктора», того самого неприятного «Виктора», сидевшего за отдельным столиком в очень подавленном состоянии. При моем появлении он встрепенулся и попросил разрешения задать мне несколько вопросов. Вот эти вопросы и мои ответы:

«Виктор»: Скажите, Семен Петрович, часто ли мы встречались в 1906 году?

Я: Очень часто.

«Виктор»: Каковы были наши отношения?

Я: Чрезвычайно скверные.

«Виктор»: Часто ли мы ругались на собраниях комитета и общегородской конференции?

Я: Каждый раз.

«Виктор»: Заметили ли вы, что я лукавил с вами или же я бил прямо и сильно?

Я: Вы били прямо и сильно, и я отвечал вам тем же.

«Виктор»: Считаете ли вы, что я исходил из каких-то посторонних закулисных соображений или из пользы дела, которую я понимал иначе, чем вы?

Я: Несомненно последнее, но ваше понимание дела я и сейчас отрицаю. После этого начался допрос. Мне задавали вопросы по поводу всех провалов, свидетелем которых я был. Я отвечал все, что знал. Среди этих провалов не имелось ни одного, который можно было бы приписать «Виктору». После этого мне задали ряд вопросов о Заломове. Я рассказал все, что знал, и «Виктору», уходя, твердо сказал: «До свидания, товарищ». На следующий день я выдержал баталию с Землячкой, которая уже откуда-то знала, что мои показания были для «Виктора» в общем благоприятны. Как известно, судом «Виктор» был оправдан.

К той же эпохе относится мое знакомство с Владимиром Львовичем Бурцевым ¹⁶. В 1909 г. он разоблачил Азефа и нескольких других провокаторов, главным образом, у социалистов-революционеров, но было несколько указаний и на социал-демократов. Однако калибр эсеровских и наших провокаторов совершенно различный: там — основатели партии, члены ЦК, а у нас — разная мелочь: секретари и дамы из финансовых комиссий.

Для справок по этим делам наша группа содействия послала меня к Бурцеву, и я сразу наткнулся на прелюбопытную сцену. В его приемной, разделенной занавеской на две половины, Бурцев разговаривал с молодой дамой. Он меня усадил, попросил подождать и ушел с дамой за занавеску. Разговор их был слышан и поразил меня чрезвычайно:

Дама: Вот что вы наделали вашими разоблачениями, Владимир Львович. Мы жили с мужем и девочкой тихо и благополучно; муж получал от Департамента полиции свои триста франков; это было скромно, но достаточно. А теперь он в бегах, может быть его убьют, субсидии кончились — а что же будет с нами?

Бурцев: В самом деле, положение ужасное, надо будет найти для вас какую-нибудь работу. Я подумаю.

Дама ушла, и я не мог не выразить Бурцеву мое изумление, что он берет на себя заботу о провокаторских женах, когда столько честных революционеров голодают без работы. «В частности, — сказал я ему, — неужели вы не заметили, какая специально гнусная психология у этой женщины?» Он сконфузился и ответил, что ему больно видеть всякое страдание.

Если не ошибаюсь, именно в это лето в Париже появился Бродский. После того, как его разоблачили, он нигде не чувствовал себя в безопасности. Везде находился кто-нибудь, кто его узнавал или распознавал. Он нашел гуманную идеалистку, которая решила его спасти (есть такой тип женщин), но потребовала от него, чтобы он явился к Бурцеву и без утайки все рассказал. Была образована межпартийная комиссия, куда меня послала наша группа содействия. От с[оциалистов]-р[еволюционеров] присутствовал старый революционер Герман Лопатин ¹⁷, с которым я имел удовольствие познакомиться по этому случаю. Бурцев обязывал меня и других членов комиссии уходить через полчаса после ухода Бродского.

Бродский действительно рассказал все, что мог. Его показания были опубликованы и послужили поводом для бурных прений в Государственной думе. И тут мы узнали, что и «Максим» и «Ирина» были провокаторами. В это время «Максим» находился в Париже, и жена его с большим успехом выступала в больших концертах. После разоблачения они немедленно исчезли. Но что же сказать о сходстве с Иудой?

Лето 1910 года. Перед летним разездом на каникулы в нашей секции Французской социалистической партии мы узнали, что на берегу моря, в Pornic недалеко от Nantes, в Вандее (до сих пор самая реакционная область Франции) организуется летняя колония на очень льготных основаниях. Мы решили поехать туда, и к нам примкнула тов. «Савушка», большевичка-впе-

редовка. Нам было очень интересно посмотреть, как путем наглядного показа нового быта французские социалисты будут бороться против вандейских предрассудков.

Приехав, мы встретились с неожиданными вещами: неприязнью к иностранцам у членов и особенно администрации колонии и недобросовестностью в исполнении обещаний: нам троим были обещаны две комнаты, что совершенно естественно, в самой колонии у пляжа, а нас поместили в одной комнате в городе, в трех километрах от колонии, что означало — при трех приемах пищи в день — несколько принудительных прогулок. Вдобавок мы нашли Надежду Константиновну и ее мать («бабушку», как ее звали) забитыми в маленькое проходное помещение при сарае, причем днем члены колонии, не церемонясь, пользовались этой комнатой как раздевальной. Владимира Ильича не было. Он должен был приехать позже. Записаны они были как Ульяновы, а этой фамилии в то время никто не знал.

Я пошел объясняться с дирекцией, получил в ответ грубые издевательства, ответил резкостями и был исключен из колонии вместе с женой, а заодно исключили и «Савушку», которая вообще не произнесла ни звука. Мы убедили сейчас же Надежду Константиновну покинуть колонию, пошли в город и сняли очень хорошие помещения. Дамы взяли на себя заботу о кухне, на меня и на Владимира Ильича, который приехал позже, был возложен рынок и хождение за водой. Водопровода в городе не было, и нужно было с большим каменным сосудом путешествовать к одному из водоразборных кранов. От этих путешествий я всегда старался Ленина избавить. Было решено для сохранения мира и добрых отношений на политические острые темы не разговаривать¹⁸.

Об этом времени, проведенном в Порнике, Надежда Константиновна рассказала в своей книге «Моя жизнь с Лениным», допустив одну странную ошибку: она меня назвала впередовцем, а между тем перед их отъездом из Парижа в Краков она пришла к нам предложить мне от имени Ленина войти в Центральный Комитет [РСДРП]. Я отказался, потому что различные причины, в том числе и материальные, не позволяли мне покинуть Париж. Мне бы хотелось многое рассказать об этих двух месяцах, проведенных с Лениным и его семьей, но здесь для этого не место. Точно так же мне приходится отказаться и от даже краткого рассказа о последующих годах.

1912 год. В 1912 г. кончился мой подготовительный период, и я приступил к самостоятельной научной работе. Именно в этом году появились мои первые публикации в «Comptes rendus de l'Académie des Sciences de Paris» и в московском «Математическом сборнике»¹⁹.

В жизни моей семьи в этом же году произошла большая перемена. Попечитель Московского учебного округа П.А. Некрасов, о котором я уже говорил, грубо уволил в отставку моего отца. Дело в том, что из-за грубости и напористости нового директора реального училища среди учеников вспыхнуло волнение, и один из них дал директору пощечину. Когда в педагогическом совете обсуждался вопрос о виновных, мой отец категорически высказался против их исключения и настаивал на рассмотрении тех причин, которые ее вызвали. Отсюда — решение попечителя.

В этот тяжелый момент на помощь отцу пришли те самые торговые служащие, которыми он занимался как председатель думской комиссии. Их стараниями в Смоленске были учреждены Коммерческие курсы в ведении Министерства финансов, превратившиеся затем в нормальное коммерческое училище. Моему отцу было предложено место преподавателя русского языка, и он его очень охотно принял. Министерство финансов в пику Министерству народного просвещения отца утвердило. Так война между ведомствами бывала часто полезна.

Лето 1914 года. Тем, которые не переживали той эпохи, трудно себе представить накаленность атмосферы в течение месяцев, предшествовавших войне. Перед началом войны 1939 г. атмосфера была очень накалена, и то, что мы переживаем сейчас, очень напоминает 1914 и 1939 гг., но есть одна существенная разница. В 1914 г. никто не знал, что из себя будет представлять война, сколько времени будет длиться, какие политические и социальные перемены она произведет. Все произошло вслепую. Сейчас многие глаза должны были бы открыться и открылись. Тем не менее, вероятно, глупость правящих лиц и правящих классов так велика, что и сейчас слышатся те же речи и повторяются те же ошибки.

Во-первых, никто не понимал тогда, как многие не понимают и теперь, каким мощным фактором на пути к войне является масса вооружений. Вооружения устаревают очень быстро, и, если они не использованы вовремя, обладающее ими государство рискует оказаться в скверном положении по сравнению с соседями; в течение двух мировых войн мы видели, что победителями оказались именно те, кто были слабее вооружены вначале; правда, для этого было необходимо, чтобы кто-то другой принял на себя и выдержал первые и самые мощные удары противника. Почему-то забыта фраза, сказанная Гитлером одному французскому дипломату: «Мы затратили 90 миллиардов марок на вооружения, и я не могу медлить». История может повториться в третий раз под звуки все той же латинской мудрости: *si vis pacem, para bellum*²⁰.

Во-вторых, тогда особенно сильно было доверие к миролюбивым заявлениям и к слову вообще. На Пасхе 1914 г. я присутствовал на Международном конгрессе математической философии, и при открытии его немец, итальянец, француз и англичанин, находившиеся в президиуме, взялись за руки и заявили: «Вот она, наилучшая гарантия международного мира» — и все почувствовали волнение, я — тоже. А II Интернационал, Базельский конгресс и базельские колокола? А вера в силу и мужество немецкой социал-демократии?

С какой легкостью милитаристы преодолели эти преграды. И какая ярость вспыхнула, когда немцы великолепно мобилизовались и отправились воевать. Я сам ее испытал. И это было начало социал-патриотизмов всюду. В оборонческий лагерь попало очень много социалистов. Напомню, что на этой позиции некоторое время находился Луначарский; Менжинский — очень долго; Плеханов, А.И. Любимов, я сам. Волонтерами во французскую армию пошли очень многие ленинцы, члены группы содействия, например — Бритман²¹.

Отложить расчеты с правительством до конца войны? Ответ был [такой]: если будет победа, с победившим милитаризмом вы не справитесь. На это следовало: ну, а если победивший милитаризм будет чужой? Обратили ли вы внимание на немецкие цели войны? И еще аргумент — от нутра: если от этой войны страдают все мужики и рабочие, так уж нужно быть со своими мужиками и рабочими. А немецкие жестокости? Ответ Троцкого был, и совершенно неправильный, что немцы ведут себя не хуже других.

Я помню разговор с Михаилом Николаевичем Покровским, который был пораженцем. Он именно стал с нежностью защищать культурную Германию против несправедливых обвинений. Я ему тогда ответил: «Я понимаю логически точку зрения Ленина, который решительно за борьбу против всех империализмов в надежде, что конец войны будет означать их поражение. Я понимаю и людей, которые не разделяют этой надежды и особенно боятся немецкого империализма, потому что империализм этот особенный. Но я не понимаю вас с вашей защитой именно этого империализма».

И на этот счет мое мнение не изменилось: уже во время той войны обнаружили те особенности немецкой военщины, которые ярко проявились в этой войне. Моей несомненной ошибкой было чрезмерное доверие к союзническим целям войны, особенно к английским. Я, например, не задумывался над вопросом, почему Англия не торопилась объявить, что вступит в войну, и что было бы, если бы она это заявила вовремя. Была ли тут английская медлительность или что-то другое? Как бы там ни было, я стал оборонцем и оставался им до конца; жена моя — тоже.

1915 год. В 1915 г. на нас свалилось несчастье. Как я уже говорил, легкие моей жены чрезвычайно пострадали во время скитаний по партийным делам и в тюрьме. У нее открылся скоротечный туберкулез, и в ноябре она скончалась²². Это был очень большой удар. Он совпал с очень тяжелым материальным положением.

1916 год. В августе 1916 г. я был мобилизован и решил ехать в Россию. У меня была возможность поступить во французскую армию, но после истории с расстрелом русских и других иностранных волонтеров, жаловавшихся на крайне недостойное отношение [к ним] французского командования, я этого не хотел. В русском консульстве мне выдали все необходимые документы, и секретарь Ден²³ сказал: «Вы, конечно, имеете ваши основания быть фанатиком, но в этом разберемся потом. Поезжайте».

Я поехал через Англию, Норвегию, Швецию и Финляндию. Путешествие продолжалось две недели. После краткого пребывания в запасном авиационном батальоне в Гатчине я был переведен на офицерские теоретические курсы авиации в Лесном, при Политехническом институте. Мне было 33 года. Моими товарищами были молодые люди от 20 до 24 лет, но я старался ни в чем от них не отставать. Вопросами авиации я много занимался еще в Париже вместе с инженером М.П. Виноградовым, моим старым товарищем по декабрьскому (1905 г.) восстанию и боевой организации.

Мои впечатления от жизни в России и армии резко отличались от того, чего я ожидал. Я сразу увидел то, чему отказывался верить, — что армия совершенно небоеспособна и в стране кризис, во всех отношениях, все более и более сильный. Старые полковники открыто говорили, что «Николашку надо повесить». Дезертирство, легальное и нелегальное, процветало вовсю. Продажность администрации, гражданской и военной, особенно военной, была совершенно невероятной, и, главное, все делалось совершенно открыто. В таком состоянии Россия не была в 1908 г., перед моим отъездом.

В Гатчине при аэродроме наделали мелких будок «для хранения материала»: в качестве «хранителей» сидели солдаты, весьма толстопузые, и платили открыто мзду. В Москве поступление на Химический завод Второва стоило кое-что, и нигде не было такого количества богатых людей, как тут, но они все-таки работали. Гигиены труда не было, и через короткое время они гибли от туберкулеза или рака. Хороший способ укрываться от войны! Но те, кто не могли платить, могли все это наблюдать, наблюдали и мотали на ус.

Я побывал у Николая Ивановича Иорданского, редактора «Современного мира», и мы, оба — оборонцы, долго и в общем безнадежно обсуждали положение. Оборонять — что? Как оборонять то, что валится? Революция в воюющей стране? На это мы оба смотрели идеалистически. Мы считали, что падение царского режима поднимет дух у масс, и армия поймет: у нее есть за что воевать. За недели, проведенные в Гатчине, я наблюдал рост революционного настроения, но его не замечалось здесь, среди привилегированной молодежи: среди нас были три «правоведа», один барон, один князь, сын товарища министра, несколько богатых купчиков. Другое дело были студен-

ты Политехнического института, с которыми мы встречались в столовой и аудиториях. Эта молодежь кипела.

1917 год. В марте 1917 г. наше обучение должно было закончиться. В начале февраля значительную часть выпуска отправили в Англию для изучения высшего пилотажа. В двадцатых числах февраля начались экзамены, и вдруг остановка: ни экзаменаторов, ни начальства, никого и ничего.

Уезжая в Петроград, курсовой офицер оставил меня за старшего на курсах. Первым моим делом было узнать, что происходит, и я быстро узнал, что в городе началась революция. Нужно было произвести ее и тут. Я вышел к воротам, где стояла огромная толпа солдат и студентов, и обратился к ним с предложением немедленно образовать комитет для управления территорией Лесного. Мне в помощь было избрано несколько студентов, и мы приступили к делу настолько удачно, что к вечеру организованная нами милиция уже занимала ряд постов в районе. Появились, неизвестно откуда, два десятка бесхозных лошадей. Я кликнул клич, нашел 20 кавалеристов, и образовалась конная милиция.

На следующее утро я снесся по телефону с Таврическим дворцом, получил инвестиру и поехал на мотоциклетке объезжать воинские части, расположенные в районе. Их было довольно много, по большей части мелких, и всюду беспрекословно принимали новый режим. В одном месте вышла неудача: из самокатного батальона нас обстреляли. По телефону мы вызвали из города пушечный броневик, и после перестрелки батальон сдался.

Впрочем, выражение это неправильно: солдаты были обезоружены своими офицерами и заперты в казарме, и стреляли из пулеметов офицеры. После сдачи, когда их вели в институт среди возбужденной толпы, двое из офицеров, и в том числе командир батальона, были убиты. Меня при этом не было, и все, что я мог сделать, это арестовать виновных. Затем я поехал с докладом в Таврический дворец и вернулся с бумажкой, назначавшей меня временным командующим войсками в Лесном и районе, примыкающем в финляндской границе.

На следующий день вернулись все начальствующие лица и с большим недоумением увидели меня в роли командующего войсками — с солдатскими погонами. Косясь на них, один старый генерал довольно добродушно произнес: «А не находите ли вы, что ваша должность вам немного не по чину?» Я ответил ему в тон: «Конечно, нахожу, но кто виноват, что в эти дни вас тут не было?» С возвращением начальства вернулись и экзаменаторы, и я, при общем любопытстве, додерживал оставшиеся экзамены. Я ни в коем случае не претендовал долго оставаться в своей «должности», но некоторое — довольно короткое, впрочем, — время пришлось заняться упорядочением района и города.

Из дел этой эпохи упомяну два. Первое из них относится к сожжению тела Распутина. В начале марта вечером милиционеры, дежурившие около леса, отметили появление саней с грузом. Застрявшие в лесу сани были задержаны, а сидевшие в них лица доставлены в институт. Один из них дал свою фамилию — Купчинский²⁴, журналист, — и представил мандат от Временного правительства, коим ему поручалось сжечь труп Распутина, а все начальствующие лица были обязаны оказать ему содействие. Справка по телефону подтвердила его слова. Труп был сожжен в два приема: сначала — в лесу на костре, облитом бензином, и, когда выяснилось, что сгорело далеко не все, оставшееся было уложено в ящик и сожжено в топке Политехнического института.

Другое дело — обыск у знаменитого Бадмаева²⁵, доктора тибетской медицины, друга Распутина и ловкого дельца, владевшего огромными концес-

сиями в Азии. У Бадмаева на его участке оказались очень странные и мощные электрические установки, цели которых не могли понять очень компетентные электромеханики.

Выдержав экзамены, я поехал в отдел личного состава воздушного флота — узнать, какое мне будет дано назначение. Очень любезный полковник Поляков в ответ на мое желание быть назначенным в эскадрилью, ответил: «Вам — тридцать три года, а мы знаем, что после 26 лет рефлексy уже не те, и у нас это — законный предел. Мой милый Фауст, если бы я был Мефистофель, вернул бы вам хоть десять лет жизни, но я — только полковник Поляков. Летать вам не придется, и вы нам будете очень ценны как преподаватель теории на курсах, которые только что кончили. Поверьте, что так будет лучше и для вас и для дела». Несмотря на мои протесты, так оно и было сделано ²⁶.

Кроме того, мне пришлось участвовать в испытаниях военно-авиационного материала, приходящего из-за границы. Последнее было крайне необходимо, потому что союзники посылали нам дрянь, и я помню, как лопнул образцовый винт нового типа, присланный известной фирмой Curtis.

В первые же дни после революции я повидал Иорданского, и мы с ним решили дать телеграмму Плеханову, прося его приехать и учредить, вернее — перенести в Россию, социал-демократическую организацию «Единство», уже существовавшую в Париже. Он, я, депутат Бурьянов ²⁷, литератор Чернышев ²⁸ и кто-то пятый подписали воззвание. Целью организации была борьба на фронте и в тылу за новую революционную Россию.

Я не помню точной даты ²⁹ приезда Плеханова. Мне кажется, что это произошло за две недели до приезда Ленина. Оркестр, который играл на встрече и того и другого, был оркестр самокатного батальона, присланный нами из Лесного. Я никогда раньше не встречал Плеханова, и мне было очень любопытно посмотреть и определить, какого типа и веса этот человек. Я знал его как блестящего писателя и полемиста, знал его огромную эрудицию. Но мы всегда подсмеивались над его поучениями, расточаемыми задним числом в «Дневнике социал-демократа», а в данной обстановке нужно было смотреть вперед, нужно было двигаться и двигать других.

Я был довольно быстро разочарован. Человек имел много достоинств, но характера у него не было. Он любил себя слушать, чего у Ленина не было. Он любовался собой, когда хорошо говорил, — законная слабость, но у Ленина ее не было. Он был очень чувствителен к восхищению других, и первый попавшийся льстец мог повлиять на него и заставить его изменить и мнение и решение. У Ленина этого не было.

В «Единстве» нас было несколько большевиков, в том числе Любимов, я и примыкавший к нам Иорданский. Но главную массу составляли меньшевики: Дневницкий-Цедербаум ³⁰, Чернышев, Браиловский и др. Были иконостасные фигуры: Дейч, Вера Засулич. Плеханов настоял на приеме Алексинского, что было неудачно во всех отношениях. Были еще старые деятели рабочего движения 90-х годов — доктор Ярцев-Катин ³¹, доктор Васильев ³², бывший секретарь швейцарских профсоюзов. Был «потемкинец» Фельдман ³³, введенный Плехановым. Было очень много почтенных людей, но... влияния на массы не было никакого с самого начала и до самого конца.

Заседания Центрального Комитета ³⁴ происходили у хворавшего Плеханова в Царском Селе. Возражать ему было нельзя: он сейчас же выходил из себя и переходил на личности: «С тех пор, как у нас завелись большевики-экспроприаторы...», — говорил он, глядя на меня. Или по какому-нибудь мелкому поводу грозил выходом из организации. Мнения его менялись каждые четверть часа.

Вот пример: после июльских манифестаций он задал мне вопрос, что происходит в армии. Я ответил, что не участвует в каком-либо заговоре лишь один на десять офицеров. «Но... в каком же заговоре, большевистском?» — «Нет, — ответил я, — в реакционном». — «Вы слышите, — обратился он к присутствующим, — нужно непременно написать об этом статью, предостереечь демократию от этой опасности». После моего ухода на него наперли, и статья никогда не появилась.

Другой пример: в ту же эпоху он просматривает газеты с грубейшими нападками на Ленина и говорит: «Посмотрите, что пишут. Это возмутительно, этот поток грязи и грубейшей клеветы: ведь все это не так, ведь вы его тоже знали, тов. Костицын, тов. Любимов. Нет, так нельзя, надо об этом написать». На него насаждают после нашего ухода, никакой статьи не появляется, и... он идет в следственную комиссию давать свои показания.

В августе 1917 г. Н.И. Иорданский был назначен комиссаром Юго-Западного фронта, а я — его помощником. Мы оба еще верили в революционную войну, а действительность оказывалась иная. Наступила для нас и особенно для меня (так как благодаря частым пребываниям Иорданского в Петрограде я исполнял почти все время обязанности комиссара) тяжелая и трудная эпоха. Высшее командование в лице главнокомандующего ген[ерала] Деникина ³⁵ встретило нас прямым саботажем, и первое мое свидание с ним было очень бурное и закончилось почти разрывом.

В конце августа произошло выступление ген[ерала] Корнилова ³⁶, к которому присоединился Деникин. Я арестовал ген[ералов] Деникина, Маркова ³⁷ и других ³⁸; по армиям были арестованы все командующие и их начальники штабов; авторитет командования был совершенно разрушен, и начиная с этого момента фронт не существовал ³⁹. В одном из секретных докладов Керенскому я писал, что так продолжаться не может, что нужно учесть создавшееся положение, демобилизовать значительную часть армии и... поговорить с союзниками. В то же время за арест генералов нас травил реакционная пресса в Петрограде и милюковская «Речь» писала, что нашей деятельности могут позавидовать самые взыскательные большевики. Встревоженный Плеханов посылал нам грозные письма, требуя объяснений.

После октябрьского переворота Иорданский уехал в Петроград и затем в Финляндию, а я поселился в Петрограде. Плеханов, как известно, имел неожиданный визит Савинкова и резко порвал с ним; этот визит вызвал обыск, после которого Плеханов переехал в санаторию в Финляндии. В «Единстве» от времени до времени происходили собрания остатков ЦК.

Сведения, поступающие от Плеханова, были противоречивы, однако было ясно, что точка зрения его меняется. Он полагал, что до октября существовало два демократических фронта, но теперь существуют только фронт большевистский и фронт реакционный, и левые, которые присоединятся к последнему, неизбежно будут поглощены им. Поэтому вывод его был, что члены «Единства» ни в коем случае не должны идти с реакцией: «чего не делать вам...» Для меня было ясно, что этот совет ни в коем случае не будет принят теми, которые еще бывали в «Единстве», и я покинул эту организацию, решив при первой возможности войти в советскую работу.

1918 год. Этот случай представился, когда я узнал о присутствии в Ленинграде моего давнего друга по Вене и Парижу М.К. Владимирова. Я повидался с ним, и после переговоров с разными лицами и учреждениями он сказал, что моя просьба уважена и что я буду работать с ним в Москве. Я не помню точно даты, когда он был назначен чрезвычайным уполномоченным по эвакуации «с диктаторскими полномочиями».

Эвакуацию приходилось производить всюду, где угрожала опасность немецко-украинского наступления. Для выполнения этой задачи была образована особая чрезвычайная комиссия по эвакуации — ВСЕРОКОМ — из представителей ведомств: Н[ародного] к[омиссариата] путей сообщения, НКВоен, ВСНХ, Госконтроля. Я был назначен управляющим делами этой комиссии. Кроме того Владимиров часто давал мне задания, не относившиеся к ее работе. Я помню три задания, по которым составил докладные записки: 1) о переносе столицы в Нижний Новгород, 2) об ухтинской нефти и 3) о железной дороге Обь—Сорока. Я совершенно не знаю, для каких учреждений предназначались эти записки и каков был дальнейший ход этих дел.

Проживая в Москве у Кудринской площади, я стал посещать библиотеку Астрономической обсерватории Московского университета, подготавливая материалы для моих работ по строению звездных систем. Первая из них была напечатана в Париже еще в 1916 г.; последующие появились в советских научных журналах.

С началом гражданской войны ВСЕРОКОМ должна была переменить всю систему эвакуации: до этого момента поток направлялся с юго-запада на восток, а теперь пришлось везти все к центру. В теории предполагалось внести в эвакуацию некоторое плановое начало, направляя промышленные предприятия туда, где они легче могут привиться. Специально для этой цели во ВСЕРОКОМ существовали отдел эвакуации промышленности и информационно-статистический подотдел. Однако по ходу военных действий все планы постоянно нарушались. В качестве инспекторов мы имели чрезвычайно энергичных людей, как, например, широко известного тов. Ройзенмана⁴⁰. В общем, наскоро созданный аппарат делал все что мог в чрезвычайно трудных условиях.

(Окончание следует)

Примечания

1. Церетели Ираклий Георгиевич (1881—1959) — член РСДРП с 1903 г., меньшевик; уроженец Кутаиси, из дворян, сын писателя, учился на юридическом факультете Московского университета, из которого был исключен и сослан в Сибирь (1901—1903 гг.); председатель социал-демократической фракции, депутат II Государственной думы от Кутаисской губ.; после разгона Думы приговорен к шести годам тюремного заключения с последующим поселением в Восточной Сибири; в 1917 г. член исполкома Петроградского совета, министр почт и телеграфов, внутренних дел Временного правительства; один из лидеров Грузинской республики, ее представитель на Парижской (Версальской) конференции (1919 г.); в эмиграции — во Франции (с 1921 г.) и США (с 1940 г.).
2. Кириенко Иван Иванович (1877—1918) — участник социал-демократического движения с 1890-х годов, меньшевик; окончил Харьковский технологический институт; депутат II Государственной думы от Киевской губ.; в 1917 г. член исполкома Петроградского совета, комиссар 11-й армии Юго-Западного фронта, Киевского военного округа, уполномоченный Временного всероссийского правительства («уфимской директории») при Уральском правительстве (1918 г.), помощник и исполняющий обязанности челябинского окружного комиссара; арестован колчаковцами и увезен в Омск, где казнен 23 декабря 1918 года.
3. Иванов Анатолий Андреевич (?—1907) — полковник, участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., с 1887 г. служил в тюремном ведомстве: начальник Петербургской одиночной тюрьмы на Выборгской стороне (1905—1907 гг.); застрелен 13 августа 1907 г. членом боевой организации партии социалистов-революционеров.
4. Петров Федор Николаевич (1876—1973) — участник социал-демократического движения с 1896 г.; уроженец Москвы, из семьи слесаря, учился на медицинском факультете Московского (1894—1897 гг.) и Киевского университетов (1899—1902 гг.), работал врачом (1902—1905 гг.); участник вооруженного восстания в Киеве (1905 г.), руководитель военной организации РСДРП в Варшаве (1905—1906 гг.); отбывал тюремное заключение в Лукьяновской тюрьме в Киеве (1897—1898 гг.) и в Варшавской крепости (1906—1907 гг.), каторгу в Шлиссельбурге (1907—1915 гг.), ссылку в Иркутской губ. (1915—1917 гг.); в 1917—1918 гг. комиссар здравоохранения Иркутской губ., председатель Иркутского комитета РСДРП(б); член подпольного Иркутского комитета РКП(б), начальник санчасти в Забайкальском парти-

- занском отряде, комиссар здравоохранения Забайкальской обл. (1919—1920 гг.), министр здравоохранения Дальневосточной республики (1920—1921 гг.), зам. председателя совета министров, министр внутренних дел ДВР, председатель ее делегации на переговорах с японцами в Дайрене (1921—1922 гг.), начальник политсектора и пом. зав. Главного управления милиции НКВД РСФСР (1922—1923 гг.), начальник Главнауки Наркомпроса РСФСР (1923—1928 гг.), зам. главного редактора Большой советской энциклопедии (1928—1933 гг.), председатель правления Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (1929—1933 гг.), зам. директора и зам. главного редактора, директор издательства «Советская энциклопедия» (1933—1949 гг.), главный редактор и член редколлегии издания малых энциклопедических изданий и словарей в издательстве «Советская энциклопедия» (1959—1973 гг.).
5. Курлов Павел Григорьевич (1860—1923) — из дворян, окончил Николаевское кавалерийское училище (1879 г.) и Александровскую военно-юридическую академию (1888 г.); служил в лейб-гвардии Конно-гренадерском полку и в пограничной страже, затем — в ведомстве Министерства юстиции: товарищ прокурора Костромского, Тверского, Владимирского и Московского окружных судов (до 1899 г.), прокурор Вологодского окружного суда (с 1899 г.), товарищ прокурора Московской судебной палаты (с 1900 г.), курский вице-губернатор (1903—1905 гг.), и.д. минского губернатора (1905—1906 гг.), член совета министра внутренних дел и временно управляющий Киевской губ. (1906 г.), и.д. директора Департамента полиции МВД (1907 г.), начальник Главного тюремного управления (1907—1908 гг.), товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов (1909—1911 гг.), генерал-лейтенант; во время первой мировой войны — помощник гл. начальника Двинского военного округа по гражданской части, главноначальствующий гражданской части в Прибалтийском крае, товарищ министра внутренних дел (1916 г.); после революции заключен в Петропавловскую крепость, откуда по болезни переведен под домашний арест; с 1918 г. в эмиграции в Берлине: член группы «конституционных монархистов», автор кн. «Гибель императорской России» (Берлин. 1923).
  6. Стомонаков Борис Спиридонович (1882—1941) — участник социал-демократического движения с 1902 г., большевик в 1903—1911 гг., член ВКП(б) с 1921 г.; уроженец Одессы, болгарин, из купеческой семьи, окончил кадетский корпус, учился в Горном институте, из которого был исключен и выслан в Воронеж, затем в Болгарию (1904 г.); агент ЦК РСДРП (1905—1907 гг.); инженер-электротехник; рядовой болгарской армии и чиновник Военного министерства по продовольствию в Софии и Гааге (1915—1920 гг.), директор торгового общества в Германии (1920—1921 гг.), торгпред РСФСР—СССР в Германии (1921—1925 гг.), член коллегии НКВД (1923—1925 гг.) и зам. наркома внешней торговли СССР (1924—1925 гг.), член коллегии НКВД (1926—1934 гг.), зам. наркома иностранных дел СССР (1934—1937 гг.); арестован 8 декабря 1938, расстрелян 16 октября 1941 года.
  7. Скроботовы, братья — члены Петербургской боевой организации РСДРП (1907 г.); Скроботов С. («Николай Сергеевич») — боевой организатор по Петербургскому району.
  8. Владимиров (Шейнфинкель) («Лева») Мирон Константинович (1879—1925) — член РСДРП с 1903 г.; уроженец Херсона, из семьи сельского арендатора, окончил Херсонское сельскохозяйственное училище (1898 г.), подвергался арестам и ссылке в Сибирь, откуда бежал за границу (1908 г.); в эмиграции — в Вене и Париже (1909—1917 гг.); с 1911 г. входил в группу «большевиков-партийцев» (примиренцев); в 1917 г. вступил в РСДРП(б) в составе группы «межрайонцев», член коллегии Наркомата продовольствия (1917—1918 гг.), чрезвычайный уполномоченный по эвакуации (1918 г.), член РВС Южного и Юго-Западного фронтов (1919—1920 гг.), нарком продовольствия Украины (1921 г.), финансов РСФСР и зам. наркома финансов СССР (1922—1924 гг.), зам. председателя ВСНХ СССР (с 1924 г.); умер в Нерви (близ Генуи), прах захоронен в Кремлевской стене.
  9. Poincaré (Пуанкаре) Henri (1854—1912) — французский математик, профессор (с 1886 г.), зав. кафедрой физики, астрономии и небесных светил Сорбонны, академик Парижской АН (с 1887 г.) и член-корреспондент Петербургской АН (с 1895 г.).
  10. Пирсон (Pearson) Карл (1857—1936) — английский математик, биолог; профессор прикладной математики и механики (с 1884 г.), евгеники (с 1911 г.) Лондонского университета, основатель и издатель журнала «Biometrika» (1901—1936 гг.); философ, воззрения которого раскритикованы Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм».
  11. «Мы сняли две комнаты у злейшего меньшевика Малкина, который был у меньшевиков ответственным организатором Лефортовского района. Выборы в I Думу он не бойкотировал, и его район в них участвовал. По образованию он был юристом. Мы с ним встречались летом 1906 г. на партийном собрании и «дрались». Жена его слала нам комнату в его отсутствие. Вечером, увидев меня, он был ошеломлен: «Неужели же мы и здесь будем отравлять жизнь друг другу?» — спросил он меня. — «Я в этом не вижу никакой необходимости», — ответил я ему, смеясь, и действительно мы прожили у него три месяца самым мирным образом» (Дневники и воспоминания В.А. Костицына. Тетрадь XXX, с. 47. Запись от 3 марта 1962 г.).
  12. «Лбовское дело» — названо по имени уральского рабочего-боевика: Лбов Александр Михайлович (1876—1908), участник вооруженного восстания в слободе Мотовилиха Пермской

- губ. в 1905 г. и вожак отряда «лесных братьев» (называвших себя «коммунистами-анархистами»), которые осуществили свыше 30 экспроприаций и нападений на различные учреждения (1906—1907); был арестован в Нолинске 17 февраля и повешен в Вятке 2 мая 1908 года.
13. Briand (Бриан) Аристид (1862—1932) — премьер-министр Франции в 1909—1911, 1913, 1915—1917, 1921—1922, 1925—1926, 1929 годах.
  14. Богомолец Михаил Антонович (1874—?) — член РСДРП, меньшевик; уроженец Подольской губ., окончил медицинский факультет Казанского университета, врач; член Одесского комитета РСДРП (1903—1904 гг.); арестован в 1905 г. и осужден на поселение (1906 г.), но бежал; жил во Франции, затем в Аргентине.
  15. Любимов Алексей Иванович («Марк») (1879—1919) — участник революционного движения с 1890-х гг.; уроженец Москвы, учился в Московском высшем техническом училище (с 1896 г.); в 1899 г. арестован, сослан в Воронеж; зав. Техническим бюро (1903 г.), член ЦК РСДРП (1904—1905 гг.), подвергался арестам в 1905—1906 гг.; осужденный к высылке на вечное поселение в Якутскую обл., бежал за границу (1908 г.); секретарь и казначей Заграничного бюро ЦК РСДРП (1910 г.), член редакции газеты «Пролетарий», затем — член Парижской группы «большевиков-партийцев» (1911—1914 гг.); во время первой мировой войны — доброволец; после возвращения в Россию — в группе «Единство»; умер в Москве.
  16. Бурцев Владимир Львович (1862—1942) — участник революционного движения с 1883 г.; родился в форте Перовский в семье офицера, учился на математическом и юридическом факультетах Петербургского и Казанского университетов; член народовольческого кружка, был сослан в Иркутскую губ. (1886 г.), бежал за границу (1888 г.); жил во Франции и Великобритании; редактор газеты «Свободная Россия» (1889 г.), журнала «Народоволец» (1897, 1903 гг.), историко-революционных сборников «Былое» (1900, 1906—1914, 1917 гг.), газет «Общее дело» (1909—1910 гг.) и «Будущее» (1911—1914 гг.), разоблачитель провокаторов (Азефа и др.); по возвращении в Россию (1914 г.) был сослан в Туруханский край, но амнистирован и жил в Петербурге (с 1915 г.); с октября 1917 по февраль 1918 г. — в заключении в Петропавловской крепости и в «Крестах»; с 1918 г. в эмиграции во Франции; редактор газеты «Общее дело» (1918—1922, 1928—1934 гг.) и сборников «Былое» (1933 г.), член редакции журнала «Борьба за Россию» (1926—1928 гг.); умер в крайней нищете.
  17. Лопатин Герман Александрович (1845—1918) — народовец; уроженец Нижнего Новгорода, из дворян, окончил физико-математический факультет Петербургского университета (1866 г.); подвергался арестам (1866, 1868 гг.) и, сосланный в Ставрополь, служил чиновником особых поручений при губернаторе (1869 г.); арестованный по делу С.Г. Нецаева, бежал (1869 г.); в эмиграции — во Франции, Швейцарии, Англии; член Генерального совета I Интернационала (1870 г.), переводчик первого тома «Капитала» К. Маркса; вернувшись в Россию для освобождения Н.Г. Чернышевского, был арестован в Иркутске (1871 г.); с третьей попытки бежал и жил в Париже (с 1873 г.); возвратился на родину в 1879 г. и был сослан в Ташкент, затем в Вологду, откуда совершил побег (1883 г.); в очередной приезд в Россию для воссоздания «Народной воли» арестован (1884 г.) и приговорен к смертной казни (1887 г.), замененной пожизненной каторгой, которую отбывал в Шлиссельбургской крепости; освобожденный в 1905 г., жил в Вильно и Петербурге (с 1913 года).
  18. «Один раз зашел разговор об Уэллсе... Первой заговорила Надежда Константиновна: «Я не понимаю пристрастия к Уэллсу многих хороших товарищей. Что такое Уэллс: даже не пролетарий, а мелкий приказчик, нахватавшийся кое-каких сведений на разных вечерних курсах и из беспорядочного чтения. Естественно, с его мелкобуржуазным происхождением и с таковой же психикой он не пошел дальше фабианства: прекрасная школа оппортунизма...» Пока она говорила, я смотрел на Владимира Ильича. Мне ясно, что он размышляет, что он как будто не совсем согласен с женой, но что-то он скажет? Я уже много раз мог убедиться, что Надежда Константиновна, женщина ограниченная и виновница многих организационных глупостей, имеет на мужа несомненное влияние. Его отношение к ней — романтическое: всю жизнь они шли рука об руку, в тюрьме, в ссылке, в борьбе, всюду вместе. И потому он часто предпочитает... быть согласным с ней, даже когда он не согласен. Это замечал не я один, но и многие другие члены партии, например — покойная Розалия Землячка. Итак, я жду, что скажет Ленин, но он молчит» (Дневники и воспоминания В.А. Костицына. Тетрадь ХХІХ, с. 119—120: Запись от 11 июня 1961 г.).
  19. КОСТИЦЫН В.А. Об одном общем свойстве систем ортогональных функций. — Математический сб., 1912, т. 28, № 4; ЕГО ЖЕ. Несколько замечаний о полных системах ортогональных функций. — Там же, 1913, т. 29, № 1.
  20. Если хочешь мира, готовься к войне (лат.).
  21. Бритман (псевд. Попов) Анатолий Владимирович (?—1915) — член РСДРП с 1903 г., большевик; учился на медицинском факультете Цюрихского университета; работал в военных организациях в Петербурге и Кронштадте (1905—1907 гг.); неоднократно подвергался арестам, был приговорен к 8 годам каторги (1908 г.), отбывал ее в Зерентуе; из ссылки в Баргузине Забайкальской губ. бежал; вновь арестованный в Петербурге, бежал из полицейского

- участка; в политэмиграции — в Париже: вступил добровольцем во французскую армию (1914 г.) и погиб на фронте.
22. «Сима была в переписке с Владимиром Галактионовичем Короленко. За год до смерти она послала ему рассказ для «Русского богатства». Рассказ не был принят, но Короленко прислал Симе очень длинное письмо, где признавал у нее несомненный талант, но также полную литературную техническую неопытность. Сима, которая отрицала старую литературную технику, ответила ему длинным полемическим письмом. В ответ он прислал изложение своего литературного опыта и защиту — логическую и эстетическую — своих взглядов. Сима не согласилась с ним, и в результате произошел обмен приблизительно десятком писем. Последнее письмо Короленко пришло уже после смерти Симы, и я написал ему большое письмо, где рассказывал биографию Симы, ее тяжелую жизнь и ее тяжелую смерть. Прибавлю еще, что по моим литературным взглядам я был гораздо ближе к Короленко, чем к Симе, и это ее всегда огорчало» (Дневники и воспоминания В.А. Костицына. Тетрадь XXX, с. 177—178. Запись от 30 августа 1962 г.).
  23. Фон Ден Василий Георгиевич (Егорович) (1884—1954) — секретарь консульства, вице-консул в Париже; после революции служил в банке, сотрудничал в газете «Возрождение»; доктор права; член Русского артистического общества.
  24. Купчинский Филипп Петрович (1844—?) — журналист, поэт, публицист; военный корреспондент газеты «Русь» на Дальнем Востоке (1904—1905 гг.), был в японском плену; арестованный по обвинению в разглашении государственной тайны, провел несколько месяцев в тюрьме (1909 г.); автор кн.: «В японской неволе» (СПб. 1906), «Порт-Артурские “герои”» (М. 1907), «Герои тыла» (СПб. 1908); книга «Проклятые войны» (СПб. 1911) была конфискована (Л.Н. Толстой назвал ее «прекрасной»); оставил воспоминания: «Тишина. (У Льва Николаевича Толстого)» (Жизнь, 9. II. 1909, № 7), «Как я сжигал Григория Распутина» (Солнце России, 1917, № 369).
  25. См. АРХАНГЕЛЬСКИЙ Г.В. Петр Бадмаев — знахарь, предприниматель и политик. — Вопросы истории, 1998, № 2; ЛУКОЯНОВ И.В. Восточная политика России и П.А. Бадмаев. — Там же, 2001, № 4.
  26. В своем «Жизнеописании» (август 1920 г.) Костицын сообщал: «Вернувшись в Россию, поступил юнкером на офицерские теоретические курсы авиации при петроградском Политехническом институте; их окончил по классу летчиков в марте 1917 г. и был оставлен на них после производства в офицеры в качестве преподавателя аэромеханики; одновременно преподавал аэромеханику в офицерской школе морской авиации» (Российский государственный архив экономики, ф. 3429, оп. 23, д. 24, л. 158).
  27. Хурьянов Андрей Фаддеевич (1880—?) — меньшевик; из крестьян Лебединского уезда Харьковской губ., работал токарем на Азово-Черноморском заводе в Бердянске; в 1907 г. в Киеве приговорен к двум годам крепости (1908—1910 гг.); депутат IV Государственной думы от Таврической губ. (1912 г.); во время первой мировой войны — оборонец; после революции — член Временного оргкомитета, ЦК группы «Единство»; находился на излечении в отделении душевнобольных в губ. земской больнице в Харькове (1917 г.).
  28. Чернышев Валериан Рафаилович (1883—?) — литератор, экономист; позже — профессор I-го МГУ и Института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, где читал курсы по истории экономических идей, хозяйственного быта.
  29. Плеханов приехал 31 марта (13 апреля).
  30. Дневничкий Павел Николаевич (Цедербаум Федор Исаевич) (1883—1937) — член РСДРП с 1904 г., меньшевик; уроженец Петербурга, из семьи потомственного почетного гражданина (двоюродный брат Ю.О. Мартова), учился на математическом отделении физико-математического факультета Петербургского университета, откуда в 1906 г. исключен в связи с арестом; в политэмиграции — в Швейцарии и Италии: член Итальянской социалистической партии (с 1909 г.); секретарь Плеханова в Швейцарии; после возвращения в Россию — в группе «Единство» (1917—1918 гг.); слушатель и научный сотрудник Педагогической академии в Петрограде; арестованный в 1921 г. по делу Н.С. Таганцева, скрылся и перешел на нелегальное положение; в 1926 г. вновь арестован и заключен на 10 лет в Верхнеуральский политизолятор; с 1936 г. работал учителем в средней школе в Большой Вишере Ленинградской обл.; арестован 27 апреля и расстрелян 27 августа 1937 года.
  31. Катин-Ярцев Виктор Николаевич (1875—1928) — участник социал-демократического движения; уроженец слободы Покровская Новоузенского уезда Самарской губ., учился в Военно-медицинской академии, совершенствовался как врач-отоларинголог в Вене, Берлине и Лондоне; член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1897 г.); 22 месяца провел в заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости и был сослан в Якутию; в качестве судебного врача участвовал в полярной экспедиции Э. Толля (1902 г.); доктор медицины; после возвращения в Петербург (1906 г.) занимался пропагандой марксизма; во время первой мировой войны оборонец; гласный Петроградской городской думы (1917 г.); публицист; умер в Ленинграде.
  32. Васильев Николай Васильевич (1859—1920) — участник социал-демократического движения; из семьи ученого-синолога, учился в Ново-Александровском сельскохозяйственном

- институте; после ареста за распространение нелегальной литературы содержался в Варшавской крепости и Доме предварительного заключения в Петербурге (1877 г.), оттуда выслан в Архангельскую губ. (1878 г.), но бежал за границу; жил в Швейцарии и Лондоне, где познакомился с К. Марксом; доктор медицины, ассистент при Бернском физиологическом институте (с 1887 г.); принял швейцарское гражданство (1888 г.); один из основателей Бернского рабочего объединения (1887 г.) и секретарь городского Бернского рабочего секретариата; в 1893 г. приговорен к 11 месяцам каторжных работ; городской гласный и член кантонального парламента в Берне, затем в Базеле; после возвращения в Россию (1905 г.) примыкал к правому крылу меньшевистской фракции РСДРП, предлагал объединиться с кадетами и народниками в рамках легальной партии (1906 г.); после революции — в группе «Единство» и редколлегии одноименной газеты; автор мемуаров «В семидесятые годы» (1931 г.); умер в Петрограде.
33. Фельдман Константин Исидорович (1887—?) — член РСДРП, участник восстания на броненосце «Потемкин» («студент Иванов»); арестованный в Феодосии, был переведен в Севастополь, откуда бежал за границу; в 1917 г. — член ЦК группы «Единство» и кандидат в гласные городской думы в Петрограде; снимался в фильме С. Эйзенштейна «Броненосец “Потемкин”» (1925 г.).
34. Временный комитет группы «Единство» состоял из А.Ф. Бурьянова — «рабочего, члена Государственной думы», Н.В. Васильева — «доктора, б. рабочего секретаря в Берне и Базеле», Н.И. Иорданского — редактора журнала «Современный мир», В.А. Костицына — «солдата, начальника районной милиции» и В.Р. Чернышева — «литератора, члена железнодорожного союза» (Единство, 29.III.1917, № 1) Вместе с «кооптированными товарищами» с мая членами Временного организационного комитета, переименованного вскоре в ЦК, являлись Г.В. Плеханов (председатель), Л.Г. Дейч, Васильев, Катин-Ярцев, Иорданский, Р.М. Плеханова, Э.М. Зиновьева-Дейч, Г.А. Алексинский, Чернышев, В.М. Тетяев, Бурьянов, Костицын и М.Д. Чернышева (секретарь) (там же, 10.V.1917, № 35). Помимо названных лиц в ЦК группы «Единство» дополнительно были включены А.П. Браиловский, П.Н. Дневницкий, Фельдман и позже Любимов (там же, 3.VI.1917, № 55). В газете «Единство» были напечатаны статьи Костицына: «Без аннексий и контрибуций» (25.IV.1917, № 22), «Единство и дисциплина!» (21.V.1917, № 45), «Люди одной масти» (28.V.1917, № 50), «Еще один» (18.VI.1917, № 68), и др.
35. См.: КОЗЛОВ А.И. Антон Иванович Деникин. — Вопросы истории, 1995, № 10.
36. См.: ЦВЕТКОВ В.Ж. Лавр Георгиевич Корнилов. — Вопросы истории, 2006, № 1.
37. Марков Сергей Леонидович (1878—1918) — генерал-лейтенант (1917 г.); уроженец станицы Мечетинской Кубанской обл., из семьи офицера, дворянин, окончил Константиновское артиллерийское училище (1898 г.) и Николаевскую академию Генерального штаба (1904 г.); участник русско-японской войны; преподаватель Николаевской академии, Павловского военного и Михайловского артиллерийского училищ (1911—1915 гг.); во время первой мировой войны — начальник штаба дивизии, командир полка, начальник штаба Западного и Юго-Западного фронтов; во время гражданской войны — командир 1-го офицерского (добровольческого) полка, 1-й пехотной бригады и 1-й пехотной дивизии (1918 г.); убит в бою.
38. «В 4 часа 29-го [августа] Марков пригласил меня в приемную, куда пришел помощник комиссара Костицын с 10—15 вооруженными комитетчиками и прочел мне «приказ комиссара Юго-Западного фронта Иорданского», в силу которого я, Марков и генерал-квартирмейстер Орлов подвергались предварительному заключению под арестом за попытку вооруженного восстания против Временного правительства» (ДЕНИКИН А.И. Путь русского офицера. М. 2007, с. 222).
39. «Был такой случай с Костицыным в сентябре или октябре, уже после моего ареста: судьба столкнула его снова с начальником того юнкерского караула, штабс-капитаном Бетлингом, который в страшный вечер 27 сентября вел нас, “бердичевскую группу” арестованных, из тюрьмы на вокзал. Теперь Бетлинг с юнкерской ротой участвовал в составе карательного отряда, руководимого Костицыным, усмирявшим какой-то жестокий и бессмысленный солдатский бунт (кажется, в Виннице). И вот наиболее непримиримый член бердичевского комиссариата, хватаясь в отчаянии за голову, говорил Бетлингу: “Теперь только я понял, какая беспросветная тьма и ужас царят в этих рядах. Как был прав Деникин!” Помню, что этот маленький эпизод, рассказанный Бетлингом во время одного из тяжелых кубанских походов 1918 года, доставил мне некоторое удовлетворение: все-таки прозрел человек, хоть поздно» (там же, с. 211).
40. Ройзенман Борис Анисимович (Исаак Аншелевич) (1878—1938) — социал-демократ с 1902 г.; кочегар на заводах Юга России; член Екатеринославского комитета РСДРП(б) (1917 г.), уполномоченный Совнаркома и СТО на Южном фронте и Урале, член коллегии транспортно-материального отдела ВСНХ (с 1919 г.) и правления Государственных объединенных машиностроительных заводов; член президиума ЦКК (1924—1934 гг.), член коллегии и зав. внеплановой инспекцией НК РКИ СССР (с 1926 г.), зам. председателя и член Комиссии советского контроля при СНК СССР (1934—1938 гг.).